

НЕОБЪЯТНА, КАК САМА ЖИЗНЬ

В ПОСЛЕДНЕЕ время на страницах «Известий» развернулся большой разговор о кино и театре. Примечательно, что С. Герасимов, Г. Товстоногов, Э. Рязанов и другие деятели искусств подробно пишут о своих профессиональных заботах на страницах общеполитической газеты — вопросы, их волнующие, занимают сейчас, при небывалой тяге к искусству, самые широкие круги.

Известно, что практическое решение многих театральных и кинопроблем в значительной степени зависит от драматургии. Вот почему, продолжая начатый режиссерами разговор, хотелось бы обсудить на страницах «Известий» некоторые теоретические и творческие проблемы драматургии.

Партия поставила перед советским искусством задачу — поднимать народ на борьбу за коммунизм, воспевать героические подвиги и трудовые свершения строителей коммунизма, воспитывать нового человека. Эту задачу драматургия решает, показывая в драматическом действии жизненные процессы, противоречия и конфликты.

Надо ли специально оговаривать, что изображение конфликтов неравнозначно выискиванию темных пятен, коллекционированию недостатков? Мы обнажаем ошибки прошлого, говорим о недостатках, имеющихся в сегодняшней жизни, для того, чтобы бороться за новое. А некоторые драматурги пишут об отрицательных явлениях с такой старательностью и назойливостью, что закрывают ими все хорошее, чем богата народная жизнь.

Когда критикуются такие произведения, как «Взломщики тишины», речь идет не просто о «переборе» в изображении темных явлений, а о нарушении важнейших принципов социалистического реализма. И тут мало сказать, что автор субъективен в изображении жизни. Художественные произведения создаются не автоматами, механически фиксирующими увиденное, а живыми людьми — у каждого свои склонности, свое восприятие жизни. В этом смысле искусство всегда субъективно. Сама по себе такая субъективность — не помеха правде. Если художник стоит на правильных, партийных позициях и народными интересами, практикой меряет увиденное, его наблюдения, мысли и чувства не уведут его от правды жизни.

Индивидуалистический субъективизм вползает в произведение в тех случаях, когда его автор оторван от жизни и знание ее заменяет приблизительными домыслами. Тут уж сколько ни призывай его к объективности, не напишет он ничего путного — до тех самых пор, пока не переменится в своем отношении к действительности, в ее знании и понимании.

Желая как можно крупнее, ярче показать положительное в жизни, острее выявить пафос нашего искусства, некоторые драматурги решают проблему построения жизнеутверждающей пьесы упрощенно, торопливо: они старательно освобождают ее от драматургических заострений, от сложных поворотов в судьбах героев, полагая, что тем самым «просветляют» ее, рельефнее выделяют оптимистическую ноту. Результат получается прямо противоположный.

Положительного героя можно внутренне «подорвать», искусственно приписав не свойственные его характеру изъяны. Но его можно «убить» и менее заметно: не показав жизненных противоречий и проблем, в решении которых он мог бы проявить себя и стать еще сильнее, — ведь творческая энергия, твердость, упорство растут, когда они приведены в действие.

Как это ни парадоксально звучит, но тенденция бесконфликтности иногда выражается в призывах к поискам новых конфликтов. Так, в ходе дискуссий о драматургии, которые проводились в течение этого года, были выступления, где объявлялись устаревшими почти все конфликты, какими занималась наша драматургия вчера, занимаясь сегодня. Борьба с бытиками и бюрократами, противоречия между высокогражданскими и эгоистическими мотивами — все, мол, устарело, надо открывать новые конфликты...

Но ведь конфликты, о которых идет речь, существуют в реальной жизни. Может ли драматургия считать их устаревшими, отмахнуться от них только на том основании, что в своем схематически шаблонном изложении они слишком часто мелькают на сцене?

Конечно, и столкновения передовых людей с бюрократами и бытиками, и колебания человека между высокогражданскими соображениями и эгоистическими расчетами, и другие подобные конфликты сегодня проявляются по-иному, чем вчера, а главное по-иному разрешаются. Но они реально существуют! Этого не замечают некоторые участники дискуссий.

Статья С. Владимировой, напечатанная в газете «Литература и жизнь», называется: «Душа драмы — конфликт». В ней говорится о

Заметки о драматургии

значении конфликта, о необходимости исторической конкретности в его трактовке. И тут же рядом, полемизируя со статьей А. Анастасьева («Литературная газета»), С. Владимиров пишет: Из рассуждений А. Анастасьева «следует, что суть современных конфликтов заключается в борьбе человека с самим собой, нравственном самоусовершенствовании, подавлении в себе пережитков и темных инстинктов. Сохрани нас бог, как говорится, от подобных теорий!»

Но почему же надо спасаться от подобных теорий? Разве борьба человека с самим собой, нравственное самоусовершенствование и подавление в себе пережитков прошлого уже утратили свою жизненность?

В коммунизм, говорит Н. С. Хрущев, люди должны прийти освобожденными от частнособственных привычек, от эгоизма, своекорыстия — от всего того, что мешает людям жить по-коммунистически. Сколько проблем коммунистического жизнестроительства, с которыми советское общество будет сталкиваться еще и завтра, и послезавтра, можно было бы решить уже сейчас, сегодня, покончив мы с помехами, о которых идет речь! Но история соткана не из благих пожеланий, ее не уложишь в литературную схему. В реальной, а не выдуманной схоластами жизни идет сложный, многослойный процесс преодоления пережитков капитализма в сознании людей. Из истории известно, что капитализм, разрушивший феодальные пути, скрывавшие личность, вызвал невиданный до того рост активности человека. Но в условиях собственного общественного общества эта активность неизбежно приобретала индивидуалистический характер «частной инициативы». А частная инициатива и связанная с нею конкуренция нравственно калечили человека, порождали взаимную изоляцию и доходившую до зверства острую междоусобицу. И сколько бы ни писали гуманисты прошлого о нравственном самоусовершенствовании человека, их мечты и утопические программы оставались бессильными перед объективным ходом жизни — даже если их авторами выступали такие титаны, как Лев Толстой. Социализм создает для человека такое окружение, в котором человек черпает знания, ощущения и опыт, помогающие воспитанию всего истинно человеческого. В советском обществе реально утверждаются условия, благоприятствующие нравственному самоусовершенствованию человека, подавлению, изживанию пережитков прошлого в сознании.

В искусстве веками развивались традиции изображения народных героев, рыцарей без страха и упрека, которые своей подвижнической самоотверженностью увлекают других. Но в искусстве прошлого не было традиции художественного воплощения процесса освобождения многомиллионных масс от собственнических навыков и нравов. Таких традиций не могло быть по той простой причине, что не было самого процесса. В наше время формирование нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью стало практической задачей, содержанием повседневной жизни миллионов и миллионов людей.

Процесс этот сложен. В советском обществе бурно растут ряды передовых людей, которые уже сейчас, в преддверии коммунизма, работают с высоким сознанием общественного долга. Но мы не можем на этом основании забывать о тех, кому такого сознания еще не хватает. Мы все гордимся подвигом четверки советских солдат в Тихом океане. Но мы не можем не думать о группе альпинистов (о них как-то писала «Комсомольская правда»), которые, струсив перед лицом стихии, оставили в горах на погибель одного из своих товарищей.

Что же драматургу в поисках новых конфликтов делать вид, что все наше общество состоит из Гагановых; а людей корыстных, мелких не замечать?

Поставив перед собой задачу ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, советское общество не ждет, когда физически вымрут люди, нравственно искалеченные собственническим миром. Оно стремится уже сегодня вызвать в душе эгоиста, даже самого закоренелого, борьбу с самим собой, пошатнуть его веру в неизбежность своекорыстия, открыть ему привлекательность и перспективность социалистических двигателей человеческой энергии. Пусть уже сегодня он совершит свой первый бескорыстный поступок, который ему покажется подвигом, — надо всячески поддержать его на этой стезе, чтобы завтра такие поступки стали привычными, стали нормой его поведения.

Н. Погодин, всегда чуткий к

многозвучию реальной жизни, ее сложным процессам, недавно написал пьесу о бригаде коммунистического труда. Организатору и руководителю этой бригады при-

ходится действовать не в идеальной, а в реальной среде, но иногда герои пьесы «Цветы живые», пожалуй, и не хочет. Конечно, Николаю — так зовут бригадира — было бы легче отобрать лучших из лучших и с ними, уже подготовленными, начинать новое дело. А как же другие? Нет, это не путь для такого требовательного к себе человека, как Николай: он думает не только об успехе своей бригады, а о судьбе всего движения. «Покажу не хочу», — говорит он. — Советские люди не состоят из одних белоснежных... чего глаза закрывать на правду. Мне хотелось соединить обыкновенных людей. Я ведь всерьез, а не для телевидения».

На пути к успеху задуманного дела Николаю приходится столкнуться и с Серафимой, — святойшей и воровкой, и с Аллочкой — с ней столкновение оказалось особенно тяжелым. Аллочка не любит «одержимых» людей, хочет жить «как все»: не будущим, а настоящим, причем настоящее в ее сознании страшно обужено — до хлопотливых забот о личных удобствах. Такая Аллочка поначалу не может понять любящего ее Николая, ибо не постигает как раз самого главного, самого ценного, что в нем есть, — его идейной страстности.

Борьба за Аллу нелегка для Николая. Но, пожалуй, еще труднее приходится ему при решении сложнейших вопросов жизни бригады.

Очень органично, из характера и окружающих обстоятельств, вырастает у Николая душевная потребность «посоветоваться с Лениным».

Когда читаешь иные современные пьесы с «ленинскими сценами», возникает ощущение, что они присутствуют как бы сами по себе, не затрагивая глубин драматического действия. В «Цветках живых» сцена с Лениным вырастает из хода действия, из значительности и сложности изображаемых в пьесе процессов формирования коммунистического человека.

В этой связи стоило бы нам всем еще и еще раз вспомнить слова Н. С. Хрущева, сказанные им на III съезде писателей: «...Человек не рождается сразу коммунистическим человеком. Такого человека никто еще не знает, и вы его не видели. Его нельзя выдумать — он будет создаваться в процессе построения коммунистического общества, в процессе завершения перехода от социализма к коммунизму... Процесс перехода от социализма к коммунизму — это длительный и очень сложный процесс».

★

Содержание современной драмы необъятно, как сама жизнь. Известно, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой же мере творят обстоятельства. Именно этим диктуется законное стремление советской драматургии охватить и замечательные трудовые свершения строителей коммунизма, и то, как, изменяя жизнь, меняется сам человек. Наши дискуссии и критические изыскания должны не мешать, а помогать этому стремлению.

А. КАРАГАНОВ.